

Этот частный клуб отличался уединенной и изысканной атмосферой. На его кованой бронзовой вывеске красовался единственный вырезанный иероглиф — «Лань».

В удушливом мареве летнего полдня проливной дождь нещадно хлестал по свинцово-серым стенам Клуба Горный Туман.

Шан Хэн стоял у стены, укрываясь под узким карнизом. Шершавые гранитные плиты, нагретые за день и окутанные влажным паром, сквозь мокрую ткань рубашки обжигали ему спину.

Капли — то ли пота, то ли дождя — стекали по его точеному подбородку, медленно пропитывая влагой зажатую в руках картонную коробку с тортом.

Влажная духота буквально висела в воздухе. Шан Хэн потянул за воротник рубашки, чувствуя себя креветкой в пароварке: от невыносимого зноя кожа на шее покрылась розоватыми пятнами.

Шан Хэн был тем самым неудачником, которого угораздило внезапно переселиться в роман.

Книга оказалась банальным и до крайности слезливым произведением, где главному герою — невероятно привлекательному, но патологически недогадливому юноше — уготовили участь безропотной жертвы. Чтобы выплатить игорные долги приемных родителей, тот согласился стать безмолвной тенью, «заменителем» прежней пассии холодного и властного президента корпорации Гу Линя.

Половину сюжета несчастный метался между несколькими высокопоставленными ухажёрами, которые делили его, калеча физически и морально, но до самого конца он так и оставался беззащитным вьюнком, не способным жить без чужой опоры.

Пролистав эту писанину до середины, Шан Хэн легко предугадал финал: герой наверняка превратится в домашнюю канарейку в золотой клетке очередного богача. Потеряв всякий интерес, он лишь фыркнул, пробормотав под нос, что любовная лихорадка напрочь лишает людей рассудка, и забросил книгу на самую дальнюю полку.

Кто же знал, что, уснув в собственной постели, он проснётся не двадцатисемилетним успешным финансовым аналитиком, а двадцатидвухлетним юношей с тем же именем, запертым на страницах этого самого романа.

Проплутав под проливным дождём по незнакомым переулкам около часа, он был вынужден признать эту абсурдную реальность.

Согласно сюжету, всего пару дней назад коллекторы ворвались в дом его приёмной семьи. Родители вместе с младшим сыном трусливо спрятались, выставив Шан Хэна на растерзание бандитам в счёт долга. Избитого до полусмерти юношу бросили на обочине дороги, где его,

едва живого, и подобрал проезжавший мимо наследник корпорации Гу — Гу Линь.

Тот снизошёл до жалости: покинув салон своего серебристого «Порше», он мимоходом уладил проблемы с кредиторами.

«... Тогда он лежал в дорожной пыли и грязи, снизу вверх взирая на своего спасителя. В лучах полуденного солнца безупречно красивый Гу Линь казался чистейшим горным снегом — холодным, величественным и недостижимым. Шан Хэн заворожённо смотрел на него, и сердце его стучало, словно безумный барабан».

Вспомнив этот пассаж из первоисточника, Шан Хэн невольно усмехнулся и покачал головой.

Дальнейшие события развивались по классическому шаблону. Гу Линю приглянулось лицо юноши, смутно напоминавшее ему кого-то важного. Он предложил сделку: оплата всех семейных долгов в обмен на три года безоговорочного подчинения.

Прежний Шан Хэн не отличался выдающимися талантами, если не считать смазливой внешности и кулинарного мастерства, отточенного годами изнурительного домашнего труда.

Прямо сейчас сюжет подошёл к моменту, когда преданный возлюбленный решил лично привезти Гу Линю домашний торт-мороженое, чтобы выразить благодарность. Вот только по дороге его сбила мчавшаяся на красный свет машина, изувечив заднее колесо велосипеда.

Велосипед лишился куска краски, а сам Шан Хэн заработал огромный синяк на голени, который до сих пор неприятно ныл.

Кое-как добравшись до места пешком, он опоздал всего на десять минут.

Но этого хватило, чтобы господин расценил задержку как «недопустимую дерзость» и решил проучить своего подопечного, оставив его мокнуть под проливным дождём целый час.

Не имея при себе зонта, Шан Хэн примостил коробку с тающим десертом на багажнике старого велосипеда, прислонённого к стене.

Он поднял глаза на тёмные стёкла окон второго этажа. Изнутри его убогую фигуру отлично видели.

Там упивались его беспомощностью, смаковали чужую покорность и втихомолку посмеивались над его наивной, собачьей преданностью.

Смахнув с ресниц дождевые капли, Шан Хэн неторопливо отвёл взгляд. Шум водяных струй убаюкивал, позволяя сосредоточиться на главном: как жить дальше.

Торговать собственным телом он не собирался, как и тащить на себе груз чужих многомиллионных долгов.

А уж изображать безответно влюблённого мученика — и подавно.

«И что мне с этим делать?»

Спустя ещё пятнадцать минут двери клуба наконец милостиво распахнулись. Вышедший швейцар вежливо поклонился и пригласил Шан Хэна войти.

Подняв отсыревшую коробку, Шан Хэн последовал за ним в сияющий роскошью вестибюль.

Интерьер поражал сдержанным шиком: стены из палевого мрамора гармонично сочетались с панелями из тёмно-красного дерева, а на стенах покоились огромные свитки с древней каллиграфией. Массивная хрустальная люстра в форме лотоса заливала холл приглушённым золотистым светом, создавая ощущение покоя и уединённости.

Посетителей было немного, но каждый из них принадлежал к высшему обществу. Их негромкие, размеренные голоса тонули в умиротворяющих звуках рояля.

Помятый Шан Хэн в дешёвых джинсах и мокрой рубашке выглядел здесь как нищий бродяга, случайно затесавшийся на королевский приём.

С его насквозь промокших кед и подвёрнутых брюк прямо на зеркальный мраморный пол капала грязная вода, оставляя за собой цепочку тёмных следов. Немногие присутствующие безразлично морщились, провожая его презрительными взглядами.

Не обращая на них ни малейшего внимания, Шан Хэн упрямо шёл вперёд. Ушибленная нога неприятно немела, заставляя его прихрамывать, но он сохранял ледяное спокойствие. Поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, он послушно следовал за провожатым.

В конце коридора располагался малый банкетный зал. Сквозь массивные двери едва доносился шум богемной вечеринки. Под сияющими подвесками люстр здесь всюду лилось дорогое вино.

Столы ломились от коллекционного алкоголя — бутылок «Романе-Канти» и «Шато Латур», а на паркете изящные пары лениво кружились под тягучие джазовые переливы саксофона.

На кожаных диванах у панорамного окна вальяжно расположилась компания молодых людей в дорогих костюмах. При появлении незваного гостя их ленивые разговоры затихли. На Шан Хэна уставились несколько пар оценивающих глаз, бесцеремонно разглядывая его с головы до

ног.

— Так это он? — ухмыльнулся молодой человек по имени Фань Юн, лениво подбрасывая на ладони платиновые игральные кости. Слово «игрушка» он выделил с особым удовольствием. — Очередной фаворит нашего молодого господина Гу? Как его там зовут? Шан... как-то там?

Рядом с ним, капризно надув губы, сидела девушка в алом вечернем платье — Ся Ли, младшая дочь влиятельного семейства Ся. Она окинула пришедшего брезгливым взглядом.

— Да какой ещё фаворит! — Ся Ли сморщила носик. — Обычный уличный приживала, который мёртвой хваткой вцепился в нашего дорогого Гу Линя. Фу, от него разит сыростью! Весь ковёр испортил, теперь только выкинуть.

Шан Хэн лишь мысленно усмехнулся в ответ на этот дешёвый снобизм.

Его взгляд переместился к окну, где спиной к залу стоял высокий мужчина. Безупречно скроенный классический костюм подчёркивал его идеальную осанку и атлетическое сложение. Даже среди толпы богатых наследников он выделялся врождённым превосходством.

Это был Гу Линь. Небрежно опустив одну руку в карман брюк, другой он медленно покачивал бокал с тёмно-красным вином, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль, за пределы заливаемого дождём мегаполиса.

С самого момента появления Шан Хэна в зале Гу Линь даже не обернулся. Он полностью игнорировал присутствующих, словно все эти праздные сплетни золотой молодёжи не имели к нему ни малейшего отношения.

Высокомерный, отстранённый, он напоминал чужака на этом празднике жизни, снисходительно наблюдающего за суетой смертных.

Шан Хэн безмятежно скользнул взглядом по этой «величественной вершине», после чего подошёл к небольшому столику у диванов и аккуратно опустил на него деформированную картонную коробку.

— Угощайтесь, — с лёгкой полуулыбкой произнёс он.

Только тогда Гу Линь соизволил повернуться. Его ледяной, безразличный взор скользнул по фигуре пришедшего.

Шан Хэн выглядел жалко. С мокрых прядей волос на плечи капала вода. Промокшая насквозь дешёвая рубашка облепила тело, очерчивая острые контуры ключиц и лопаток.

Но лицо его, наполовину скрытое влажной чёлкой, оставалось безупречным. В его спокойной, едва заметной улыбке больше не было прежней жалкой покорности — теперь в чертах сквозила холодная, уверенная сила.

Гу Линь нахмурился. В его глазах промелькнуло раздражение, и он тут же отвернулся, словно брезгуя смотреть на это зрелище дольше необходимого.

— И что это за дрянь? — Ся Ли брезгливо приоткрыла крышку. Торт окончательно потерял вид: некогда пышное лакомство превратилось в мутную жижу, растёкшуюся по дну коробки. — Оно же всё растаяло! Издеваешься над нами?

— Даже льда догадаться положить не мог! — возмутилась она, отталкивая коробку. — Такое только на помойку выкинуть.

— Прошу прощения, — ровным тоном ответил Шан Хэн. — На улице страшная жара. Лёд не выдержал долгого ожидания под дверью.

Лицо Ся Ли мгновенно пошло пятнами. Это замечание было явной шпилькой в её адрес. Ведь именно она подговорила Гу Линя запереть парня на улице, чтобы устроить проверку.

Наследник огромной Корпорации Гу славился своим неприступным и жёстким характером. Когда до золотой молодёжи дошли слухи, что он пригрел какого-то нищего мальчишку, никто сначала не поверил.

Поэтому, когда тот посмел опоздать на встречу, Ся Ли тут же вызвалась устроить испытание дождём, дабы проверить «искренность чувств» безродной дворняжки.

Подобных выскочек, мечтающих присосаться к чужому богатству, они видели пачками. Ничтожествам вроде Шан Хэна не место в их сияющем кругу, и уж точно не им стоять подле такого человека, как Гу Линь.

Им даже обувь мыть доверить противно.

Этому нищему просто подвернулась немыслимая удача, а он смеет демонстрировать свой характер? Кем он себя возомнил?

Глядя на ледяное безучастие Гу Линя, Ся Ли окончательно убедилась: игрушка парню уже наскучила.

— Ой, поглядите, промок под дождем и сразу обиделся! — картинно рассмеялся Фань Юн, развалившись на диване. — Притащил какую-то бурду и думаешь, что выполнил долг? Не позорил бы нашего Гу Линя перед приличными людьми.

— Обычная содержанка, а строит из себя оскорблённую невинность, — ядовито прошептала Ся Ли, прикрыв рот ладонью. — Продался с потрохами, а ждёт, что его на руках носить будут. Клоун.

Сказано это было достаточно громко, чтобы сидевшие рядом разразились пренебрежительным смехом.

Шан Хэн спокойно молчал, изучая их лица.

Вообще-то по сюжету Гу Линь должен был вмешаться. Хотя бы из уважения к лицу своего покойного возлюбленного он обычно осаживал обнаглевших приятелей. Но сейчас господин демонстративно хранил молчание, словно перед ним стояло пустое место.

Он словно боялся заразиться убожеством Шан Хэна, избегая даже мимолётного зрительного контакта.

Странно. Либо память подводила новоявленного попаданца, либо реальность книги начала искажаться с самого его появления.

Впрочем, Шан Хэну было плевать. Тратить время на цирк с кучкой избалованных мажоров он не нанимался.

Изобразив на лице глубокое «оскорбление», он слегка поджал губы и обратился напрямую к Гу Линю:

— Прощу прощения. Если у господина Гу больше нет ко мне вопросов, я пойду.

Не дожидаясь ответа и проигнорировав остальных, он развернулся и решительно направился к выходу.

— Ну и катись, — фыркнула Ся Ли, скрестив руки на груди.

— Оп-па, твоя игрушка взбунтовалась, — хохотнул Фань Юн. — Не боишься, что сбежит окончательно? Может, догонишь, успокоишь бедняжку?

Гу Линь медленно повернулся, провожая взглядом удаляющуюся спину Шан Хэна. Его палец небрежно скользнул по тонкой ножке бокала, а губы скривились в циничной усмешке.

— Догонять? — сухо бросил он. — Сам приползёт. Куда он денется.

Его тон был ровным и пугающе уверенным — тоном человека, который привык полностью

контролировать чужие судьбы.

Летняя гроза утихла так же внезапно, как и началась. Дождь смыл дневную духоту, оставив после себя чистый, сияющий небосвод. На востоке раскинулась едва заметная полоса радуги, а запад тонул в багровых тонах заходящего солнца.

Выйдя из здания, Шан Хэн подошёл к своему убогому средству передвижения. Разочарование не заставило себя ждать: заднее колесо было спущено в ноль — видимо, какой-то местный хулиган успел проткнуть шину шилом.

Шан Хэн со вздохом потёр переносицу. Ситуация складывалась просто «замечательно».

Сидеть сложа руки и покорно ждать, пока сюжет перемелет его в труху, он не собирался. Чтобы выпутаться из этой долговой кабалы, требовался план. Он бросил короткий взгляд на помпезный фасад Клуба Горный Туман, прищурился и решительно направился обратно к парадному входу.

Огибая угол здания, он слишком резко свернул и едва не сбил с ног шедшего навстречу человека. Они оказались примерно одного роста и телосложения, и их попытка разойтись в узком пространстве привела к неизбежному столкновению плечами.

От удара Шан Хэн потерял равновесие и покачнулся, но незнакомец среагировал мгновенно — его крепкая ладонь перехватила предплечье юноши, удерживая от падения.

— Осторожнее, — раздался бархатистый, мягкий баритон. Незнакомец тут же вежливо разжал пальцы.

— Ах! Господин Вэнь, вы в порядке? — взволнованно зашебетал следовавший за ним секретарь.

— Спасибо, — отозвался Шан Хэн, с любопытством разглядывая мужчину.

Тот был на редкость хорош собой. Чётко очерченный профиль, глубоко посаженные глаза и прямой, волевой нос. Тёплый свет, лившийся сквозь стеклянные двери холла, мягко очерчивал его резкие скулы, превращая лицо в подобие ожившей античной скульптуры.

Несмотря на изнуряющий летний зной, он выглядел безупречно: строгая тройка из светло-серой тонкой шерсти сидела на нём как влитая. Он смотрел прямо на Шан Хэна открытым, спокойным взглядом истинного аристократа.

Убедившись, что юноша твёрдо стоит на ногах, господин Вэнь лишь вежливо кивнул и

направился к выходу. Секретарь услужливо раскрыл над его головой огромный чёрный зонт. У обочины их уже ждал представительский «Бентли», водитель которого поспешил распахнуть заднюю дверцу.

Мужчина плавно скользнул в просторный кожаный салон. Перед тем как стекло поднялось, скрывая его от внешнего мира, он достал белоснежный платок и неторопливо вытер пальцы, к которым только что прикасался.

Дорогой автомобиль бесшумно тронулся с места и растаял в вечерних сумерках. Влажный воздух ещё некоторое время хранил едва уловимый, благородный аромат белого сандала — такой же изысканный, глубокий и сдержанный, как и его обладатель.

Шан Хэн догадался, кто это был. Главный конкурент корпорации Гу, ключевой антагонист романа — Вэнь Жуйюнь. По сюжету этот человек, ослеплённый манипуляциями своей коварной невесты, раз за разом пытался уничтожить Гу Линя и его пассию, но в итоге получил удар в спину от той, ради которой шёл на любые жертвы. Трагический персонаж с незавидной судьбой.

В романах у подобных злодеев финал всегда один — полный крах и забвение.

К счастью, сейчас они ещё даже не были знакомы лично.

С лёгкой улыбкой Шан Хэн развернулся и устремился обратно на второй этаж.

Вечеринка заметно выдыхалась. Гости лениво общались, а музыка сменилась совсем тягучим, полусонным ритмом.

Несколько оставшихся пар прервали танец и уставились на вновь вошедшего юношу. По залу прокатилась волна шушуканья.

— Наш Гу Линь просто ясновидящий! — громко расхохотался Фань Юн, завидев мокрого гостя. Ся Ли самодовольно пригубила коктейль, глядя на парня сверху вниз.

— Надо же, какая гордость! — подхватила она с издевкой. — Не прошло и десяти минут, а ты уже приполз обратно с поклоном. И как только совести хватило явиться?